

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

Лурье Павел Борисович

ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
СОГДИЙСКОЙ ТОПОНИМИИ

Специальность

10.02.22 – языки народов зарубежных стран Европы, Азии,
Африки,aborигенов Америки и Австралии (стран Азии и
Африки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург
2004

Работа выполнена в Секторе Древнего Востока
Санкт-Петербургского филиала Института Востоковедения
РАН

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор Владимир
Аронович Лившиц

Официальные оппоненты: член-корреспондент РАН,
доктор филологических наук,
профессор Николай
Николаевич
КАЗАНСКИЙ

кандидат исторических наук,
доцент Сергей Григорьевич
Кляшторный

Ведущая организация Институт языкоznания РАН

Защита состоится « » 2004 г. в
часов на заседании Диссертационного Совета Д
212.232.43 по защите диссертаций на соискание ученой степени
доктора наук при Санкт-Петербургском государственном
университете по адресу 199034, Санкт-Петербург,
Университетская набережная, д. 11, Восточный Факультет, ауд.
167.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке им. Горького
Санкт-Петербургского государственного университета (199034,
Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9).

Автореферат разослан « » 2004 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета Ю.В. Козлов.

Постановка проблемы и актуальность исследования.

Представленное к защите диссертационное исследование содержит первую в иранистике попытку детального описания топонимии Трансоксианы в древности и средневековье. На основе росписи топонимов из письменных источников, начиная с древности и заканчивая династией Шейбанидов (1500-1601 г.), предпринимается структурный, этимологический и исторический анализ полутора тысяч топонимов иранского происхождения. Поскольку абсолютное большинство исследуемых географических названий образовано на базе согдийского языка и его диалектов и лишь небольшую часть можно отнести к другим языкам, засвидетельствованным в данном регионе (бактрийскому, хорезмийскому, парфянскому, средне- и новоперсидскому, арабскому, тюркским), диссертация озаглавлена «Историко-лингвистический анализ согдийской топонимии». Заметим, что исследования древней и средневековой топонимии, не предпринято пока ни для одного района исторического Ирана.

Географические и хронологические рамки исследования. В работе исследуются топонимы Трансоксианы, территории, лежащей за Оксом – Амударье, *Mā varā' an-naxr* ('То, что за Рекой') исламского времени. Этот регион, ныне входящий в Узбекистан, Таджикистан, отчасти Кыргызстан, Казахстан и Туркменистан, подразделяется на ряд исторических областей древней ирригационной земледельческой культуры, отделенных друг от друга пустынями и труднопроходимыми горами. Это области по правым притокам верхней и средней Амударии (Северная Бактрия – *Tuhāristān*, исторические *Қубādiān*, *Tarmiz*, *Xutṭalān* и др.), бассейн Кашкадарья (совр. Карши и Шахрисябз, средневековые *Naxšab*, *Nasaf* и *Kesh* – так называемый Южный Согд), долина Зеравшана (*Buxārā*, *Samarqand*, исторический Согд – *swyd-* / *sūd-*), область современных Джизака и Уратюбе (*Ustrušana*, *'stwršn-*), Ферганская долина (*Fargāna*, согд. *βṛy'n-*), Ташкентский оазис (*č'č-*, *Шāši*), область лежащая к северо-западу от Ташкента по Сырдарье и ее притоку Арыси (совр. Чимкент, средневековый *Испēčān*), нижнее течение Амударии (Хорезм, *Xvārizm*). В диссертации анализируются также топонимы из левобережного Хорезма (формально к Трансоксиане не относящегося) и из

областей согдийской колонизации, в первую очередь из Семиречья.

В диссертации рассматриваются географические названия, которые засвидетельствованы в древних и средневековых нарративных и документальных источниках. Наиболее ранние записи топонимии областей за Оксом (др.-перс. *Suguda-, Uvārazmi-, Bāxtri-*) содержатся в монументальных надписях Ахеменидов (VI-IV вв. до н.э.), несколько позже тексты Геродота и Кtesия, упоминающих Согдиану, Бактрию, Хорасмию, город Кирополь (Киру Эсхату). Ряд исследователей склоняется к ранней, синхронной зороастровым Гатам дате авестийской «Географической поэмы» (1-й фрагмент Видёвдаты), где упомянуты Согд (*Suūda-*), Бактрия (*Bāxdi-*), средневековый *Vēshgird* в Тухаристане (? *Vəshgird* • 9-); кроме того, в Яштах и Видёвдате присутствует ряд гидронимов Восточного Ирана.

Наиболее поздней группой источников, которая использовалась в диссертации, являются составленные в XVI-XVII вв. персидские земельные документы шейхов суфийского клана *Джуйбариийа*.

Указанные выше географические и хронологические рамки исследования никоим образом не заставляют нас игнорировать все то, что выходит за эти рамки. В качестве сопоставительного материала мы использовали древнюю, средневековую и современную топонимику Афганистана и Ирана, а также современные названия Средней Азии.

Цели и задачи исследования. Основной целью данной работы был детальный анализ топонимической системы древней и средневековой Трансоксианы. Для этого были выполнены следующие задачи:

- создать максимально полную картотеку топонимов на базе списка первоисточников;
- реконструировать оригинальные написания и чтения географических названий;
- определить наиболее часто встречающиеся топоосновы и топоформанты, составляющие географические названия Средней Азии;
- установить надежные этимологии этих компонентов и, как следствие, этимологии самих топонимов;

- выявить ареальные особенности топонимики различных районов и тем самым наметить некоторые черты фонетики, морфологии и лексики иначе незасвидетельствованных иранских диалектов средневековой Средней Азии;
- установить топонимические свидетельства исторических событий и фактов из этнической истории Средней Азии.

Источники. В работе было использовано более пятидесяти первоисточников, в первую очередь исламского времени. Для эпохи древности мы обращались к древнеперсидским текстам, Авесте, сообщениям классических авторов (Геродота, Ктесия, Ариана, Курция, Страбона, Клавдия Птолемея, Плиния Старшего, Помпония Мелы). Эпоха раннего средневековья представлена, в первую очередь, китайскими сочинениями («главами о западных варвалах» династийных хроник Ханьшу, Хоуханьшу, Таншу, описанием путешествия Сюань Цзяна), ближневосточными текстами (средне-персидскими сочинениями «Города Ирана» и «Бундахишн», армянской географией VII в.), согдийскими документами (т.н. «Старые Письма», посетительские надписи из долин Верхнего Инда, документы из крепости на горе Муг и ряд других), недавно найденным архивом бактрийских документов.

Объем сведений о топонимике и географии Транскоксианы, представленный в древних и раннесредневековых доисламских источниках, не может сравниться с той информацией, которая содержится в сочинениях мусульманского времени: географиях Ибн Хурдāзбиха, Қудāмы, ал-Йа‘қубī, ал-Истаҳrī, Ибн Ҳауқаля, ал-Муқаддасī, персидской анонимной географии Худūd al-‘Ālam, словарях ас-Сам‘ānī и Йāqūta и в ряде других текстов; все они относятся к домонгольскому времени (IX-XII вв.). Из источников постмонгольского времени (XIV-XVII вв.) наиболее важными для нашей темы оказываются изданные вақуфные документы – акты о передаче земель в пользование наиболее влиятельным суфийским кланам. Заметим, что изданные документы (бухарские документы XIV в, где получателями вақфа выступают духовные наследники шейха Җайф ад-Дīна Бāхārzī, самаркандские документы XV-XVI вв. на имя суфия Хвāджи Ахrāra, имевшего огромное влияние на поздних Тимуридов и его потомков и упоминавшиеся документы шейхов Джūйbārī) – только небольшая часть того

материала, который хранится в архивах Таджикистана и Узбекистана и к которому автор не имел доступа. В дальнейшем тексте, кроме специально оговоренных случаев, мы анализируем названия, зафиксированные в арабографических источниках.

Материалы исследования. Материалом для исследования послужила полная роспись топонимов из среднеиранских текстов и арабских и персидских сочинений домонгольского времени и частичная роспись топонимов из источников более позднего времени (игнорировались лишь некоторые очевидные персидские и тюркские названия). К картотеке были составлены обратный индекс топонимов и региональный указатель. В общей сложности картотека содержит более полутора тысяч топонимов (исключая варианты написания одного и того же географического названия).

Метод исследования. При разработке данной темы мы оперировали методами, которые сформированы отечественной топонимической школой, с одной стороны, и приемами классической востоковедной школы Петербурга – с другой.

Первичной задачей при работе с картотекой была реконструкция точного арабографического написания топонима на основании тех разночтений, которые присутствуют у разных авторов или в разных рукописях одного и того же сочинения. При определении такого написания мы старались соблюдать «этимологический нейтралитет»: принималась та реконструкция, которая наиболее удовлетворяет всем формам в источниках, а не та, для которой можно предложить наиболее убедительную этимологию. Иногда разночтения в источниках являются не результатом неизбежных писцовых ошибок, а различных вариантов передачи согдийской фонетики средствами арабского письма (например, передача редуцированного начального гласного (*иwa*) через *алиф* или без *алифа*, губно-зубного β через *f*, *b* или *w*). Все древние и средневековые топонимы (кроме самых распространенных), приведенные в диссертации, строго документированы, указываются орографические варианты, которые встречаются в различных источниках.

Методом исследовательской работы над текстологически выверенной картотекой явилось, во-первых, выделение однородных элементов в различных топонимах, их сопостав-

ление, членение географических названий на топоформанты (суффиксы и лексемы, образующие форму топонима) и топоосновы (содержательный элемент географического названия), далее – этимологическое исследование формантов и основ. Разумеется, приведенная выше схема достаточно условна – не всегда топоним двусоставен, во многих случаях основы и форманты этимологически самоочевидны, иногда, напротив, убедительной этимологии предложить не удается (для основ это около 50 % всех исследованных топонимов). Существенно, что для настоящей работы единственным возможным методом является не изучение отдельных названий «самих в себе», а анализ топонимики Трансоксианы как единой системы. Так, для нашей работы название такого важного города, как *Buxārā*, согд. *rwx'r* имеет меньшую ценность, чем, скажем, название небольшого поселения *Iskijkaθ*, ибо первое уникально и не входит в ряды топонимов, а второе – типичное для Согда географическое название (где *Isk-* (согд. (')*sk(y)* ‘высокий’, *-ij* – согд. суффикс прилагательных женского рода *-uc*, а *kaθ* – согд. *knɒh /ka"θ/* (ж.р.) ‘город’, самый распространенный компонент топонимов Мавераннахра).

В этимологической части мы старались максимально использовать все изданные согдийские тексты. Как правило, проверялись все контексты употребления рассматриваемой лексемы для того, чтобы дать наиболее точный перевод топонимического термина. В этимологических разработках учитывались материалы древне-, средне- и новоиранских языков, наиболее продуктивным оказалось сопоставление согдийских лексем с авестийским, парфянским, средне- и новоперсидским и я gnobskimi языками, в некоторых случаях мы оперировали древнеиндийскими и другими индоевропейскими данными.

В диссертации предлагается и аргументируется термин «квазиперевод» географического названия. В средневековых восточных текстах очень редко можно увидеть достоверное толкование того или иного топонима. Вместе с тем некоторые факты из истории или местоположения самого географического объекта указывают нам пути для его этимологизации. Так, самаркандский канал *Daryat* является одним из самых длинных искусственных каналов, созданных человечеством, и этимология его названия от др.-ир. **darga-* ‘длинный’ представляется

вполне вероятной, несмотря на то, что рефлексов этой основы в опубликованных согдийских текстах нет.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые предпринято комплексное исследование большого массива древней и средневековой иранской топонимии. Следует иметь в виду, что до сих пор не издано какого-либо топонимического свода по Ирану (аналогичного *Iranisches Namenbuch* Ф. Юсти), хотя пожелания о составлении такого компендиума можно встретить во многих работах. Средневековая историческая география Средней Азии сто лет назад описана в «Туркестане» акад. В.В. Бартольда и принципиальных исправлений с тех пор не внесено. В работах многих отечественных и зарубежных лингвистов, историков и археологов имеются экскурсы, посвященные отдельным топонимам Средней Азии. Однако все они касаются топонимики лишь попутно – в случае, если данное географическое название обнаружено в средневековом источнике или если археологический памятник сопоставляется со средневековым населенным пунктом. Лишь в нескольких статьях В.Ф. Минорского, О.И. Смирновой и А.Л. Хромова топонимика оказывается основным предметом исследования. Работа Хромова «О структурных особенностях иранской топонимии Мавераннахра в IX-XIII вв» (*Восточная филология*, вып. III, 1974, с. 3-25) содержит перечень основных формантов средневековой топонимики Трансоксианы, а статья Смирновой «Места домусульманских культов Средней Азии по данным топонимики» (*CHB*, вып. 10, 1971, с. 90-108) является детальным анализом топонимов с финалью *-fayn* (согд. *βyn-* ‘храм’).

Практическая и теоретическая значимость исследования. Теоретическая ценность работы представляется двоякой – с одной стороны, она вносит новые данные в комплекс лингвистических иранистических знаний, с другой стороны, как изучение всякой топонимической системы, дополняет материалы по общей теории географических названий. Материалы диссертации могут представлять интерес не только для лингвистов, но и для специалистов по истории, этнологии и археологии древней и средневековой Средней Азии.

Практическая ценность работы лежит в иной плоскости. Жители Средней Азии издавна интересовались

происхождением географических названий своей страны (это видно уже из средневековых сочинений). Предоставление научной информации на эту тему в какой-то степени позволит изжить всякого рода народные этимологии географических объектов, нередко звучащие в речах туристических гидов среднеазиатских городов и засоряющих словари топонимов, издаваемых ныне в Средней Азии.

Апробация работы. Несколько разделов настоящей диссертации опубликованы в 5 статьях в российских и международных журналах и сборниках статей; еще 2 статьи находятся в печати (список см. в конце авторефера). Автор 8 раз выступал с докладами по теме настоящей диссертации: в Санкт-Петербургском филиале Института Востоковедения, в Государственном Эрмитаже, в Санкт-Петербургском Государственном Университете и на конференции Общества европейских иранистов в Равенне (октябрь 2003 г). Некоторые источники, использованные в диссертации (*Худūд ал-‘Ālam, Ta’rīx-i Джасахāнгүшā Джувайний*), преподавались автором на практических занятиях по персидскому языку со студентами Восточного Факультета Санкт-Петербургского Государственного университета.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и приложений: списков сокращений, источников, использованной литературы и указателя к топонимам, приведенным в диссертации.

Во **Введении** формулируются цели и задачи работы, географические и хронологические рамки исследования,дается обзор источников и краткая история изучения иранской топонимии. Мы подробно останавливаемся на методе исследования, обосновываем выбранную нами систему транскрипции.

К введению прилагается раздел «Способы передачи согдийских глосс средствами арабского письма», где указываются как регулярные, так и более редкие соответствия, которые мы встречаем у арабских авторов при передаче согдийских (и иных восточноиранских) глосс, в первую очередь – топонимов. Поскольку авторы дошедших до нас арабских сочинений не владели согдийским языком, но в той или иной мере знали родственный согдийскому и уже тогда распространенный в городах Мавераннахра персидский, передачи топо-

нимов в арабских трудах нужно рассматривать не как простые иноязычные передачи, *Nebenüberlieferungen*, а как „*Doppelnebenüberlieferungen*”, где языком-посредником выступает персидский.

Первая глава – «Структура топонимики средневековой Средней Азии». Вводный ее раздел посвящен морфологической структуре топонима. Минимальная структура – чистая основа топонима, она может быть осложнена суффиксом, префиксом (или суффиксом и префиксом одновременно). Наибольшее количество названий – двусоставные детерминативные композиты (*tatpurusa*), состоящие из атрибутива в первой части и основы (чаще всего географического термина) во второй. Суффикс может располагаться после первой части композита (чаще всего он согласует род атрибутива по основе), так и после второй части.

Далее следует раздел о суффиксации в топонимике. Всего нами выявлено 28 суффиксов, большая часть их формирует не сам топоним, а его основу. Продуктивных для образования топонимов суффиксов всего 6: *-ak* (*-a*), *-īč*, *-ān*, *-ēn*, *-kān*, *ānj*. Функция суффикса *-an* в топонимике отличается от его функций в нарицательной лексике согдийского языка: в первом случае он присоединяется только к существительным, во втором – образует имена действия от глаголов. Суффикс прилагательных *-ēn* в письменном согдийском не отмечен (хотя представлен в таких языках как парфянский, хорезмийский, хотано-сакский, ягнобский, осетинский и др), но встречается в топонимике Согдианы. Редкий топонимический суффикс *-ēβ* не отмечен в согдийских текстах, но присутствует в ряде памирских языков, а также в топонимике верхнего Зеравшана и Самаркандинского оазиса. В раздел о суффиксах включен экскурс о роли др.-ир. суффикса **-āna-*, который несет специальную топонимическую функцию во многих иранских языках (начиная с протомидийского и кончая персидским), однако эта функция в грамматиках никогда не отмечалась. Эта роль суффикса, характерная, насколько мы можем судить, только для иранских языков, образовалась из совмещения функций суффикса притяжательности и патронимии на **-āna-* и суффикса отлагольных имен действия и места на **-ana-* под влиянием распространенных в качестве токообразующих терминов имен **stāna-* ‘стан, место, страна’, **śayana-* ‘обитель’, **vahana-*

‘жилье’, **dmāna-* ‘дом’ и др. Флексия родительного падежа множественного числа тематических основ на **-ānāt* (генерализовавшаяся как показатель множественного числа в ряде средне- и новоиранских языков) едва ли принимала участие в формировании этого суффикса: уже в наиболее ранних примерах топонимы с **-āna-* склоняются как тематические имена на *-a-*; кроме того, топонимический суффикс *-ān* (*-on*) присутствует и в осетинском языке, где никаких следов окончания gen. pl. them. **-ānāt* не сохранилось.

Следующие разделы посвящены нарицательным словам, формирующими топонимию Транскосианы. Первое место в этом списке занимает *kaθ*, *kand* “город”, своеобразный маркер согдийской топонимии. Первым засвидетельствованным топонимом на *kand* является *ta Marákaudā* историков Александра, т.е. Самарканд, *sm'rkn̥dh* согдийских текстов (с пербоем *sm/m* по греческой модели). В диссертации аргументируется, что название *Kyréσχat̥* по ряду историко-фонетических соображений не может быть передачей др.-ир. **Kuruš-kata-* ‘город Кира’ и соответствовать современному *Куркату* (как полагали Й. Маркварт и Э. Бенвенист). Названия на *-kanθ* появляются также в китайских, среднеперсидских, хотаносакских, древнетюркских источниках, их достаточно много в согдийских текстах (графически, *-kth*, *-kn̥dh*). Полная роспись названий на *-kaθ*, *-kand* из источников раннеисламского времени показывает, что наиболее частой формой была *-kaθ* (ср. *qθ* из *kn̥dh* ‘город’ в христианских согдийских текстах, наиболее близких к поздней разговорной форме согдийского). Формы *-kand*, *-qand* характерны для тюркских топонимов, географических названий из Ферганы и названий крупных городов (*Samarqand*, *Paikand*), которые вошли в арабские источники не непосредственно из речи согдийцев, а через (средне-) персидское посредство. Этимологически названия на *-kaθ* восходят к согд. *kn̥dh* ‘город’ (а не *kt'k* ‘дом’), которое, в свою очередь, из др.-ир. **kanθā-*, ср. др.-инд. *kanthā* у Панини (V в. до н.э.; видимо, раннее заимствование из иранских языков). Др.-ир. **kanθā-*, скорее всего, является образованием от корня **kan-* ‘копать’, отсюда ‘накапывать, набрасывать землю’, т.е. создавать холм – платформу для будущего городского поселения (с точки зрения формообразования, ср. авест. **gaēθā-* ‘мир’ от **gai-* ‘жить’).

Далее детально анализируются другие распространенные географические термины, формирующие топонимию Согда: *-dēza* (согд. *буз'*, др.-перс. *didā-* и т.д.) ‘крепость’; атрибутивная часть топонимов на *-dēza* может быть либо согдийской, либо персидской или даже тюркской; *tēθan* (в топонимах согд. письмом *тудн*, др.-ир. **maiθana-* ‘обитель, жилье, дом’, ср.-перс. *tēhan* ‘обитель, родной дом’ и т.д.); *yar* ‘гора’ (согд. *yry*, др.-ир. **gari-* и т.д; в топонимии Согда отмечаются и рефлексы др.-ир. **kaufa-* ‘гора, холм, горб’, основы, характерной преимущественно для западноиранских языков); *tēn(a)*, ср. яgn. *ten*, *tain* ‘селение, квартал’, пашто *tēna* ‘дом’, восходит, скорее всего, к др.-ир. **mai-* ‘мерить’, ср. осет. *atajup* ‘строить’. Формант *wad*, *īd* (к согд. *w'δ'k* ‘место’?) наиболее характерен для верхней части долины Зеравшана, отчасти Самарканского Согда, а также для окрестностей Бамиана в Афганистане (что видно по бактрийским документам). Формант *jan* ‘канал, горная речка’, из др.-ир. **čana-* от корня **kan-* ‘копать’, наиболее характерен для Уструшаны и Бухарского оазиса. *Duwān* (**διβān*) ‘дом’ (от др.-ир. **dmāna-*, к и.-е. **domo-*, ср.-перс. *mān*, хот. *damāna*, ср. согд. *δβ'prnh* ‘госпожа’, из **dmāna-rafnī-*) встречается только в топонимах из Бухары; *dar* ‘долина’, как и перс. *dar(ra)*, ср.-перс. *darak* (*drky*), вах. *đig*, восходит к и.-е. **dholo-* (готское *dal*, валл. *dol*, ст.-слав. *доль* и т.д.) и встречающееся в литературе сопоставление с др.-инд. *dar-* ‘рвать’ не оправдано. *Mary* ‘роща, лес’ соответствует согд. *mry*, перс. *mary* ‘лужайка’, авест. *marvā-*; значение ‘луг’ согдийскими текстами не подтверждается. Во всех случаях (исключая лишь топонимы на *-dēza* и на *-kaθ* послемонгольского времени) мы приводим полный список топонимов с данным формантам и предлагаем варианты для этимологии оставшейся части названия (если топоним двусоставен).

В заключающем разделе первой главы характеризуются другие нарицательные лексемы, выступающие в качестве топоформантов. В качестве иллюстрации к употреблению того или иного термина приводится лишь выборка топонимов, а не полный список. В этом разделе рассматриваются форманты *-ābād* ‘благоустроенный’ (в согдийских названиях отсутствует, заимствован из Западного Ирана); *rāy* ‘склон горы’, ср. согд. *r'y*, перс. *rāy* ‘склон’, осет. *rağ* и др; *βāy* ‘сад’, согд. *β'y*, перс. *bāy*;

tōd(a), согд. *twδ'k*, перс. *tōda* ‘куча’, *xāx*, *xan*, *xēn* ‘источник’ (авест. *xan-*, согд. *x'x*, я gn. *xok*, ср.-перс. *xān*, хот. *khāha* и др.); *zāy*, *zay*, *zē* “земля” (согд. *z'yh*, контаминация **zam-* и ав. *āi-*, как и греческое *γῆ*); *āwāza* ‘озеро’, ср. согд. *''w'z'k*, осет. *awæzt* ‘запруда’, армянское (из парф.) *auazan* ‘пруд’; этимологически этот термин можно возводить к др.-ир. *ā-vaz-aka-/ana-* ‘(место, куда вода) втекает’; *rōd* ‘река’ (согд. *rw̄t*, перс. *rōd*, др.-перс. *rautah-*, др-инд. *śrótas*), этот термин весьма редко встречается в Согде; *āb*, согд. *'ph*, др.-ир. **āp-* ‘вода’; *βary* ‘плотина’, перс. *wary* (не связан с др.-инд. *várga-* ‘поворачивающий’, как полагал П. Хорн, а скорее с метатезой из **bag-ra-*, к **bag-* ‘делить’: плотина в областях ирригации не ‘поворачивает’ и не ‘останавливает’ воду, а ‘распределяет’ ее между малыми каналами); *māša*, *māš*, связано, вероятно, с хот. *māša* ‘строительство’, осет. *mæsyg* ‘башня’; *bān*, *bīn* (к **raθ-na-* ‘овраг’, ‘место падения’?); *skān* (к согд. *'skw-* ‘пребывать’ ?); *wān* ‘жилье’, из др.-ир. **vahana-*, др.-инд. *vasana*, др.-перс. *ā-vahana-* ‘селение’; *śuwān* ‘?’; *xwāš*, *xāš* ‘болото’ (этимология неизвестна); *and(ak)*, значение неясно, этимологически ср. др.-инд. *ánta* ‘конец, граница’, осет. *aendæ* ‘вне, снаружи’, вах. *yand* ‘рай’, курд. *hind* ‘сторона, направление’, бактр. *avdaugvīdo* ‘глава квартала’.

Вторая глава – «Очерки по топонимии Трансоксианы» посвящена анализу некоторых вопросов этнической, лингвистической, религиозной и социальной истории древней и средневековой Средней Азии на основе топонимических данных.

В первом разделе этой главы рассматриваются топонимические слои Мавераннахра, относящиеся к различным этническим группам, населявшим Среднюю Азию в древности и средневековье. Несколько названий можно связывать с именами царей и династий, которые правили в древности или раннем средневековье (*Kuśāniyya* в честь тохарского (юэчжийского) рода кушанов, *Gātifar* в честь легендарного царя «белых гуннов» - эфталитов и др). Большего внимания заслуживают топонимические следы греко-македонского завоевания Средней Азии. Название афганского города *Istālif*, известного, в частности, и своим превосходным виноградом, Г. Моргенштерне возводил к греч. *Σταφυλή* ‘виноград’. В.Ф. Минорский посвятил статью названию переправы *Purdaywī*, которое, согласно географии Хафиз-и Абрӯ, греческого происхождения и имеет

значение ‘странноприимный дом’, по Минорскому – из греч. **φυδόστοικος**. Эта этимология верна, следует лишь заметить, что переправа *Purdāywī* находилась не около Термеза (как полагал Минорский), а между Керкой и Чарджоу (именно там располагается *Barmādawī* Мұқаддасай и современная переправа *Бурдалық*); кроме того, греческий этимон с *καπη*, а не с *χι* (**φυδόστοικος**) более удовлетворяет средневековой форме с точки зрения исторической фонетики бактрийского языка. По мнению Й. Маркварта, первая часть топонима *Salsanda Bulīs* (второго названия Заамина в Уструшане), восходит к греческому *'Αλεξάνδρεια*. Вторая часть названия – *bulīs* была истолкована В.Ф. Минорским (на полях экземпляра статьи Маркварта, ныне хранящегося в библиотеке СПб ФИВ РАН) как греческое *πόλις* ‘город’. Действительно, греческое *'ς
'Αλεξάνδρου πόλεις* ‘в города Александра (Acc. Pl.)’ вполне закономерно дает согдийское (в арабографичной передаче) *Sal/rsanda Bulīs*, все фонетические переходы объяснимы и находят параллели в других иранских заимствованиях из греческого. Можно полагать, что в районе Заамина (в 25 километрах к северу от него) следует искать городище, соответствующее древней Александрии Эсхате. Этот город, согласно античным источникам, лежал на Яксарте – Сырдарье, а по геологическим данным, некоторым свидетельствам средневековых источников и исторической памяти местных жителей Сырдарья одним из рукавов могла течь вдоль южной границы Голодной Степи (где и расположен Заамин) еще в историческое время. Другим топонимическим следом проживания греков на востоке может являться наличие топонимов с элементом *Xarkān*, *Xargān*, *Xarqān*, распространенных в различных областях Средней Азии и Ирана. Эти названия, по нашему мнению, восходят к греческому *χάραξ*, основа *χάρακ-* ‘укрепление’. Такие названия давались многим поселениям на колонизованной греками территории (в энциклопедии Паули-Виссова приводится 18 различных Хараксов).

Недолгое, по-видимому, властование Сасанидов над областями за Амударьей, известная культурная и религиозная общность персов и согдийцев и интенсивные торговые контакты способствовали проникновению западноиранского влияния на материальную и духовную жизнь Согда. Это

влияние не обошло и географические названия. На территории Трансоксианы имеются среднеперсидские топонимы сасанидского периода. Названия с *-gird* (из др.-ир. **kr// ta-* ‘сделанный, построенный’) указывают, как правило, на поселения христиан, отправившихся из державы Сасанидов в Согд (известны указания источников о христианском населении селений *Wazkird* и *Winkard*). Некоторые микротопонимы в крупных городах Мавераннахра демонстрируют не новоперсидский, а среднеперсидский фонетический облик. К среднеперсидскому восходит, по нашему мнению, и бухарский топоформант *kām* ‘большой, магистральный канал’. Наиболее раннее из названий с *kām*, засвидетельствованное у арабских географов, *Šāfur-kām* восходит к ср.-перс. *Šā(h)buhr-kām* ‘воля Шапура’ (этот Шапур, согласно «Истории Бухары» Наршах¹, был опальным сасанидским царевичем, но можно полагать, что в названии отразилось включение Бухары в Сасанидскую империю при Шапуре I). Это название является типичным для Сасанидского Ирана, ср. *Kām-ī Pērōz* ‘Воля Пероза’ в Фарсе. Все остальные гидронимы с *kām* зафиксированы в более позднее время и заменяют согдийскую по происхождению номенклатуру каналов Бухарского оазиса. Можно полагать, что в результате фонетического переноса вторая часть названия *Šāfur-kām* была переосмыслена и стала означать ‘магистральный канал’; это значение закрепилось в языке бухарцев.

Арабские и новоперсидские географические названия проникают в Среднюю Азию после ее исламизации. Арабских названий немного, чаще всего они являются переводами более старых наименований и представлены, в первую очередь, в исторических текстах (прежде всего у ат-Табар¹). Персидские названия уже в X в. формируют большую часть микротопонимии внутри Бухары и Самарканда; доля персидских названий в сельской местности в раннеисламское время не столь велика, но их число постоянно возрастает, особенно в послемонгольское время. Тюркские географические названия, ныне составляющие абсолютное большинство топонимии Средней Азии, появляются уже в источниках VIII в; тюркские названия засвидетельствованы в домонгольское время в Фергане, Чаче, Испиджабе и, особенно, в Семиречье. Встречаются и тюрко-согдийские гибридные географические

названия. Кроме названных слоев, в Трансоксиане присутствуют и топонимы неясного происхождения, возможно, субстратные; к этому темному слою относится значительная часть названий крупных областей и древних городов (*Согд, Бактрия, Чач, Бухара* и др.).

Следующий раздел посвящен лингвистической географии Средней Азии по материалам топонимии. Наличие диалектного членения согдийского языка не отражено в дошедших до нас текстах, однако топонимические данные могут дать некоторые сведения о диалектах согдийского языка: бухарском, самаркандском, чачском, ферганском. Для обоснованного суждения о диалектной изоглоссе необходимо достаточное количество топонимов (не менее трех), демонстрирующее ту или иную местную особенность. Для бухарского диалекта характерны переход др.-ир. конечного **-a-ka-* в *-e*, *-a*; переход группы *ān* в *īp* и группы *nč* в *mj*. В Самаркандинском Согде др.-ир. суффикс **-a-ka-* отражался как *-a* (*-e*) при ‘тяжелых’ основах и как *-ak* при ‘легких’. Интер- и поствокальное *t* озвончалось в *d* или *δ*. В диалекте Чача (Ташкента) **-a-ka-* сохраняется как *-ak* (вне зависимости от качества основы), интер- и поствокальное *t* переходит в *d* или *δ*, кроме случаев, когда *t* выступает в начале следующей морфемы; спорадически др.-ир. **r*, согд. *r* переходит в *l*. В ферганском диалекте (наиболее, как будто, далеком от письменного согдийского языка) *r* часто переходит в *l*, а группа **nθ* дает *nd* (ср. выше об отражении *kndh* в ферганском диалекте). Кроме фонетических различий в диалектах Средней Азии можно видеть и лексические, а также и морфологические. Так, для Бухары характерны такие лексемы, как *sāt* ‘черный’ (др.-ир. **syāta-*), *duwān* ‘дом, селение’ (др.-ир. **dmāna-*), в Бухаре и Насафе распространен суффикс *-ēn*, в Фергане – *-kān*. Для Самаркандинского Согда характерен термин *xēn* (из ав. *xanīia-*?) ‘источник’, а для верховий Зеравшана – *ōd* (из **vahati-?*, ср. согд. *w'ðk*).

Далее в диссертации анализируются названия, образованные от титулов и имен правителей. Эти топонимы наиболее характерны для областей согдийской колонизации, в первую очередь Чача (Ташкента) и Испечапа (Чимкента). Можно полагать, что эти названия отражают реальный факт основания этих городов согдийскими колонистами или правителями (в том числе и тюрками), в то время как собственно в Согде города

основывались стихийно, часто из-за удачного положения селения на Шелковом пути.

В топонимии Средней Азии отмечен ряд названий, основу которых составляют имена местных зороастрийских божеств. Многие из этих теонимов имеют у иранских народов специальную функцию: в их честь названы месяцы и дни. Есть основания полагать, что имена божеств в топонимах отражают не культ этих божеств, а дни месяца, в которые в селениях проводились ярмарки. Тип топонимов по ярмарочному дню (как *Душанбе* ‘понедельник’) хорошо известен на Среднем Востоке, а *Байрунӣ* и *Истаҳрӣ* сообщают, что ярмарки в согдийских селениях проходят раз в месяц. Многочисленные топонимы, содержащие *rēw*, согд. *rw* в личных именах (др.-ир. **raiva-* ‘богатый’), указывают на некое (не календарное) божество, скорее всего солнечного круга. Названия храмовых селений содержат в финали *fayn(a)*, *wayn(a)*, согд. *βyn-* ‘храм’ (о чем см. упомянутую статью О.И. Смирновой), причем первая часть может знаменовать или имя божества, или особенность устройства храма (напр., *Anjīrfayna*, к согд. *'nk'yr*, я gnobскому *īnkir* ‘очаг’).

Основная часть диссертации завершается разделом «Топонимика и время исчезновения согдийского языка». Как известно, микротопонимия отличается от названий крупных объектов гораздо большей подвижностью и меняется практически при каждой смене языка населения. Это правило справедливо и для Средней Азии. В списке топонимов долины Ванча, записанных А.З. Розенфельд менее чем через сто лет после перехода населения со старованческого на таджикский, среди названий селений старованческие (нетаджикские) названия сохраняются у 70%, среди названий кварталов – 40%, а среди названий полей – 20% (наши подсчеты). Таким же образом, подсчитывая процент согдийских названий в микротопонимии по данным письменных источников, мы можем определить, примерную дату исчезновения согдийского языка в некоторых районах.

Анализ микротопонимии (названий ворот, каналов, кварталов, базаров, мечетей) крупнейших городов Мавераннахра домонгольского времени (Бухары, Самарканда, Кеша, Нахшаба, Ахсиката и Оша) показывает, что эти города были персизованы уже в X-XI вв; названия каналов выглядят более

архаичными, однако всегда сопровождаются персидскими изафетными детерминативами *jōy-i*, *jōybār-i*. Можно полагать, что согдийским по языку долго оставалось население *Бунджай-ката*, столицы Уструшаны и города *Испечана* (хотя известная по источникам микротопонимия последнего ограничиваются тремя названиями ворот). Ныне в Самарканде только квартал *Матурид*, а в Бухаре лишь мечеть *Магоки Аттор* остаются памятниками согдийскому прошлому этих городов.

Весьма интересная картина складывается при анализе микротопонимии послемонгольского времени по вакуфным документам. В Бухарском тумане *Шāхрōd* в XIV в. было 50 % согдийских названий, 25 % персидских и 25 % неизвестного происхождения. Некоторые из согдийских названий указывают на небольшие холмы, кварталы, пахотные земли. Согласно документам XV в., в «Верхних селах» к югу от Насафа была та же пропорция согдийских, персидских и неясных по происхождению названий. В тот же период в низовьях Чирчика в Ташкентском оазисе из 29 топонимов 11 оказываются согдийскими, 8 – персидскими и 3 – тюркскими (происхождение остальных не ясно).

Уже в XVI в. в районе к северу от *Кармīне* (совр. *Навои*) из 17 названий 6 или 8 – согдийских, 4 персидских топонима, два тюркских, остальные не ясны. Наконец, в тот же период в районе *Гидждувāна* к северо-востоку от Бухары (всего 62 топонима) 40% – согдийских, столько же – персидских, языковая атрибуция 5 топонимов не ясна.

Кроме таких статистических расчетов для определения времени бытования согдийского языка можно использовать и фонетический метод. В согдийском имелось несколько фонем, отсутствующих в классическом персидском (θ , δ и губно-зубное β , последние два присутствуют как аллофоны d и w в ранненовоперсидском лишь в отдельных позициях, фонема β выписывалась арабским письмом как *f*, *w* или *b*). Если первые две фонемы не встречаются в поздних источниках, то перебой *f/w* можно видеть в трех топонимах и одном нарицательном слове: *Farīšūn/Warišūn*, *Waymētan/Faymētan* ('селение господина'), *Ustāfayna/Ustāwayna* ('возведенный храм') и *afdaq/waday* 'ороситель, небольшой ирригационный канал' (к **fra-taka-*,ср. согд. *'bt'k* 'текущий'). Эти варианты орфографии топонимов

указывают, что еще в XVI в. в говорах Бухары сохранялся губно-зубной звонкий щелевой β , противопоставлявшийся губному w и глухому f .

Можно также заметить, что в Бухарском оазисе в послемонгольское время к ряду топонимов добавлялась финаль $z\bar{t}$, $z\bar{e}$, происходящая из согд. $z'yh$ ‘земля’. Приведенные выше и проанализированные в диссертации данные позволяют предположить, что в некоторых районах Бухарского оазиса и Центрального Согда согдийский язык мог сохраняться вплоть до XVI в.

В «**Заключении**» суммируются выводы исследования и формулируются задачи дальнейшего исследования топонимии Трансоксианы, прежде всего установления надежных этимологий для значительной части названий, происхождение которых остается пока неясным. В диссертации лишь намечены методы анализа «исторически обусловленных» топонимов, этимология которых сочетается с фактами, известными из исторических сочинений. Для более полного исследования топонимов необходимо привлечь неизданные до сих пор источники, прежде всего земельные документы из собраний среднеазиатских архивов и истории городов (в частности, недавной изданный арабский оригинал *Қандийи* («Истории Самарканда») XI в., арабский текст *Ta'rīx Tarmiz*, найденный недавно в одном из частных рукописных собраний Узбекистана, и др.) Необходимо шире привлечь китайские источники, в частности, документы из Турфанского оазиса, рассказывающие о жизни и занятиях крестьян-согдийцев и содержащие данные об их происхождении из городов и селений Согда. Итогом дальнейших исследований должен стать топонимический словарь-компендиум, в котором были бы приведены все известные из источников топонимы, с их фонетической реконструкцией, точной локализацией, привязкой к археологическим объектам и, наконец, с максимально обоснованными этимологиями; идея составления такого сводного словаря уже в 1970-е гг. была высказана О.И. Смирновой (*Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока*, 1973, с. 11-15), однако этот коллективный труд остается неопубликованным.

По теме диссертации опубликовано **пять статей:**

1. P.B. Lurje. *Arabosogdica. Place-names of Transoxiana as Written in Arabic Script.* // *Manuscripta Orientalia*, Vol. 7 No.4, December, 2001, pp. 22-29.
2. П.Б. Лурье. *Chorsari*: этноним ``персы'' в скифском языке. // *Hyperboreus. Studia Classica Petropolitana*. Vol. 8, Fasc. 1, 2002, pp. 190-192.
3. П.Б. Лурье. Имена божеств, названия дней и месяцев в согдийской топонимии. // *300 лет Иранистике в Санкт-Петербурге*. Материалы международной конференции. СПб, 2003, с. 75-77
4. P. Lurje. 'Shapur's Will' in Bukhara. // *Ērān ud Anērān. Studies presented to Boris Ilich Marshak in Occasion of His 70th Birthday*. Электронная версия расположена по адресу: <http://www.transoxiana.com.ar/Eran/Lurje.html> (около 10 стр.); бумажная версия будет опубликована в *Bulletin of Asia Institute*, New Series, Vol. 15.
5. P.B. Lurje The element *-kaθ/-kand* in the Place-Names of Transoxiana // *Studia Iranica*, Tome 32, Fascicule 2, pp. 185-221.